

Павел Пряжко

БОЛЛИВУД

Мужчина1: В мужских объятиях августа, под махровой облаткой неба произошло... Душистым вечером ехал в 36 троллейбусе на закат. Как ковбой уходил в красное... Троллейбус двойной. Стоял на «гармошке», смотрел в окно, проверяя периодически пистолет. Слушал «Тайгер лилис». Диск-матрица, писанный. Какой альбом, не помню, у нас не найти. Звук как обычно – двойка, три полоски. Книга судьбы и-цзинь, три сплошных на панцире черепахи.

Периодически проверял пистолет. Лицом ко мне сидят два брата – торчки. Одному около 15. (мужчина2) Другому вроде 10. (мужчина3) Тот, которому 10, в отключке ловит мультики... Голова болтается. Старший пытается слушать плеер. Кнопка «play» постоянно отскакивает, кассета не вертится, музыки нет, плеер поломан. Он всё давит и давит на эту кнопку. Потом огорчился, поднял на меня карие глаза. Большие, печальные и обдубашенные. Причесался пальцами и стал опять давить на кнопку. Кнопка отскакивает. Он давит и давит. У него приход. Прёт его... Периодически проверяю пистолет... Внезапно младший открывает глаза, словно только что вылупившийся птенец. У него спазм, он слегка удивлён. Он делает так – «блее», и жёлтая пена стекает по губам на свитер. Он запрокидывает голову; птица-кадык, острый, бесится в горле. Потом склоняется и уже выливает всё фонтаном. Запах не спутать ни с чем. Холодный, кисло-хлебный, с примесью ацетона. Пацаны факиры. Нанюхались какого-то говна. Младший опускает голову, глаза, как алыча в забродившем компоте. Ему опять хочется блевать. Старший понимает, что брату хреново, но он понимает ещё кое-что и это кое-что натурально свело с ума. Он говорит малому М2: Глотай, здесь нельзя, троллейбус, глотай. Это троллейбус. М1: Пассажиры смотрят на братьев, как на прокажённых. Старший поднимает глаза. Эта его печаль бесконечна. Не могу выдержать его обречённый взгляд. Он уже понимает, какая пропасть между ним и якобы порядочными людьми. У младшего спазм. Рот наполняется рвотой, щёки надуваются, он удерживает рвоту во рту и глотает. Птица-кадык бешено бьётся в горле и кричит... Так раза четыре, наверное, он глотал блевню. Старший улыбается, ему прикольно. Были бы у меня деньги, отдал бы все, периодически проверяю пистолет... Потом спазм прошёл. Малый вроде бы спрыгнул, шея напряглась, в глазах прояснилось. Старший всё давит и давит на кнопку «play», он такой же меломан, как и я.

М3: Ой, я тебя зарыгал.

М2: Убери руки.

М3: Да чего, не бойся. (улыбаясь, размазывает рвоту по одежде, вытирает руки об штаны) Постирай мне, а? ... А вот если бы, представь, тебя зарыгали всего-всего.

М1: Женщина в очках, училка бескровная, что стояла, держась за поручень, рядом с ними, отошла. Брезгливо морщится: «Боже! Фу, какая гадость!» Наверное, её никогда не заставляли глотать рвоту. «Куда смотрят родители? Возмутительно! Таким место в колонии.»

М3: Вот всего зарыгали! Всего-всего. Я бы тебе постирал.

Постирай мне, а?

М2: Посмотрим.

М1: Он, как девочка, ласковый.

М3: Постираешь?

М2: Я сказал, посмотрим. (смеётся)

М1: Не могу ехать дальше. Сердце разрывается. Торчкам этим малолетним осталось от силы года три, а потом всё – пизда или пиздец. Сука, ненавижу его! Проверяю периодически пистолет. Достаяю из сумочки плеер, протягиваю старшему... Возьми, это тебе, подарок.

М2: Мне?

М1: Тебе, да, бери.

М2: Спасибо.

М1: Застеснявшись, я выскакиваю из троллейбуса. Пускай думают, что педик, ну «хто» ещё? Какой-то педик плеер подарил!

Нормальный бы подарил, что ли? Пускай думают, что хотят.

Женщина1: Они его сегодня же загонят и дряни какой-нибудь нанюхаются.

М1: Пускай загонят. Но у них надежда останется.

Ж1: Какая надежда, господи!

М1: Но зачем? Ради чего? Я себя понять не могу. Ради того, что жалко их стало? Помочь захотел? Или ради «а дай-ка плеер отдам торчкам, чтобы потом всем об этом рассказывать!» Не знаю... Богом быть мерзко. Это плохая игра. Думаю, он и сам об этом догадывается... (стоит согнувшись, упираясь ладонями в колени)
(М4 подходит к М1, кладёт ему руку на спину.)

М4: Ну как ты, Андрюха?

М1: Лёша убрал руку с моей спины, сразу стало легче дышать. Я выпрямился – «Нормально, Лёшик.» – и мы пошли дальше.

«Баклажаны, блядь, эти все конченные.»

М4: А я говорил, не ешь.

М1: Ешь: нёбо чёрное, Лешины шаги, пластиковое стекло. Не ешь: журавлей сигналы, дешёвые трости. С женщинами не знаю, как хочешь. Единственное: никогда не ешь ноги неба, даже не грызи их.

М4: «И по этому поводу, Андрюха» – Лёша остановился, мимо проехал троллейбус. Загремело, весёлый звук опоздал... «Ты вообще меня слушаешь?» Лёша возмутился, приподняв плечи.

М1: «Конечно, Лёша, я просто задумался» – периодически проверяю пистолет... Стёкла троллейбуса полоснули и мне щёки золотистым отблеском. Красная радуга рекламы цирка. Нищенки из перехода лезут мне в голову своими чёрными платками, драными колготами, из которых торчат их худые землистые пальцы. Я такие колготы в детстве носил. И мои пальцы тоже общались с землёй. Белые жопы киосков и этот пьянящий дурман от клумб с маленькими цветами. Горячий перегар вечера, сухая кожица на губах. Всё это...

Периодически проверяю пистолет. Душно и хочется под арктический лёд. Я хочу стать льдом, чтобы ресницы покрылись кристаллами инея. Я повернулся к Лёшке: «В общем, ты не обижайся, Лёшик, но мне что-то так хуеватенько, я не могу даже до поезда тебя провести.» – умоляюще смотрю в его янтарные глаза.

М4: «Да ладно, Андрюха, нема базара.» – Лёша развёл руки и левой задел проходящего. Мужчина сменил траекторию, став ближе к витрине. «Тебе может денег дать на такси, друг?»

М1: Вот она, дружба, сечёте? Лёша положил мне руку с мобильником в кулаке на плечо. «Дай, если можешь, я отдам потом.»

М4: Да ладно! Эй! Такси!

М1: Сейчас я, как Лешина проститутка. Лёша заплатит таксисту.

«Лёш, даже на вокзальных блядей не посмотрели.» В темноте вечера сверкала влажность и сталь фонарей. Сильный горячий ветер

дул в лица людям. Казалось, можно прикурить прямо от воздуха, который шуршит. Вокзал светился, трещал и издавал щелчки. Привокзальная, вымощенная плиткой площадь, изменилась как в сказке про снежную королеву. Вдруг август запахом снегом. Приближалась ночь. Поезда привезли ей платья – запахи духов, кофе-эспрессо, огни женских глаз, площадей и смех круглосуточных забегаловок. Всё так... И где-то в ночи разминулись мы с ним. Моим врагом. Ломая тупыми обломками обуюдной ненависти её звёздные полюса. Он там, а я там – пьём, не закусывая, горький экватор. Ловлю с...

M4: А фигня, садись.

M1: Лёша подталкивает меня к машине. «Лёш, прости, если...»

M4: Садись, садись.

M1: Лёша заплатит таксисту, пять тысяч. А я не отдам ему денег. Периодически проверяю пистолет. Лёшу имею в виду. Я буду шифроваться и прятаться от его звонков, когда он приедет. Я буду выслеживать своего врага. Буду плавать по улицам города и нырять под мягкий асфальт. Потому что я уличный... Потому что я певец тоски и смерти... Таксист – это Мистер Икс. Взгляд зэка. Голова и голос одновременно. Такой мужественный!

(M2 (таксист))

M2: Куда прешь, падла, бля! Тебе, бля, повылазило?!

M1: Мы плыли скачкообразно.

M2: Ебанный в рот, бля!

M1: Клетчатая рубашка; к тому же, курит одну за одной, как семечки, плотно сжимает сигареты губами. Сухой рот без воды. Небо-небо; язык бьётся на дне рта. Я заметил, так, краем глаза, после каждой затяжки пепел падает. Голос таксиста крошится в кашель и в мои слёзы.

M2: Какая, ты говоришь, улица?

M1: Харьковская... А рядом уже темно и голове моей кайфно стучаться в стекло дверцы; лбу прохладно. Мимо плывут, хочу так, чтобы красиво было... Под ругань и никотин таксиста скользила кувшинка-такси. Узкая река-дорога всё глубже и вниз уносила меня от вокзала. Что-то блестящее и ошалелое кричали улицы. Влаги ночи проступала на кузове. Кувшинка плыла, ослеплённая электрическими мотыльками, и как живые коричневые черепахи, подхваченные течением, таяли впереди незнакомые мне машины...

M2: Для скептиков стоит заметить: кувшинка смердела бензином, словно токсикоман. Карбюратор заливал просто безбожно.

M1: Эй, шеф, не гони, едем в другое место!

M2: Какое?! – таксист врубил третью и вдарил по газам.

M1: В другое – в пустыню.

M2: Зачем, а? – повернул налево.

M1: Там... Короче, долго объяснять! Я добавлю, у меня есть деньги.

M2: Хозяин-барин – таксист включил поворотники, выворачивая руль. Его кости в плечах захрустели.

M1: Ай, шеф, слушай, давай обратно!

M2: Ты, паря, определись.

M1: Таксист... что-то сделал, произвёл какое-то движение рукой... «Не, всё, шеф, точно определился. Едем в пустыню, точно...»

Женщина1: Элегантно одетые передовики – это, пожалуй, теперь визитная карточка сферы бытового обслуживания минской области. Идея спецовки перейти к деловым костюмам положила здесь начало первым изменениям. Возрождая село, увеличивая темпы роста

производства сельскохозяйственной продукции, в нашем государстве не забывают об улучшении условий труда у непосредственных участников этой программы. Легче становится сельскому жителю и в быту. Именно для этого в республике повсеместно открываются агрогородки с развитой инфраструктурой, с полным набором услуг, необходимых любому человеку, и сельскому жителю не меньше, чем городскому. Есть в минской области новая административная единица: агрогородок-лучники. В первую очередь позаботились в лучниках о бытовых услугах. Приёмный пункт выглядит очень уютно. Правда, пока здесь немного тесновато, но в перспективе думают расширяться.

... Ваш комплексный приёмный пункт первым в агрогородке Слуцкого района, но и ответственность какая-то

(все, кроме Ж1, говорят с белорусским акцентом)

Ж2: Конечно, это очень большая ответственность. Мы должны, конечно, и отремонтировать пункт, потому что у нас такие условия: воды нету, а к нам сейчас проводят канализацию, и воду проводят и расширяют. Расширяют, потому что тесновато и... И спрос населения очень большой, и много клиентов приходит, потому что два парикмахера и обувщик. Это мы здесь на месте ремонтируем всё, и ремонты изготавливаем здесь на месте делаем. С района нам много привозят ремонтной обуви.

Ж1: Зарабатываете себе деньги?

Ж2: Ну стараемся, ну конечно. Небольшие деньги, но зарабатываем, не жалуемся, ну... Клиенты бы... ходят и... м... приглашаем вообще с удовольствием ходят и без жалоб. Ну стараемся, конечно, мы работать без... нареканий, потому что клиент всегда прав. Хоть бы он и не прав, но всё равно... Но стараемся... обслуживать культурно и... качественно и... потому что... ну, мы потеряем клиента, конечно, если не бым будет, будут нарекания и всё... Коллектив, конечно, хороший, девчата хорошо работают... Ну только одни благодарности...

Ж1: Надежда Лагун приехала сюда из Минска... Назад не хотите уезжать?

Ж3: (с сапогом в руке) Нет. Не хочу.

Ж1: Почему?

Ж3: Ну, здесь и дом мой, здесь лучше... умм... и работы хватает вот... Работы очень много. Работаю здесь одна, как обувщик... Ну, работы хватает. Особенно зимой у меня очень много работы...

Ж1: Угу. А какая у вас в основном починка идёт?

Ж3: Нуоо... Зимой идёт прошивка, стельки ээ... профилактика. Но в основном всё сапоговая работа.

Ж1: Угу... А вы какие-то можете рекомендации дать своим клиентам, по ношению обуви.

Ж3: Онну.., чтоб поаккуратнее носили. Девки молодые так не очень аккуратно носят. Особенно набойки, так страшно.

Ж1: (смеётся) А как можно аккуратно носить?

Ж3: Ну, асфальт это у нас такой... А...у в... может, железные... И железных набоек не ставим, тока полиуретановые, резиновые...

Ж1: А может быть, когда покупаешь обувь, надо к ней как-то внимательнее?

Ж3: Ну, сейчас-то конечно, сейчас кожзаменитель это... ширпотреб все вещи; так что сейчас очень плохая обувь идёт... и в ремонт. Вот неделю поносят, уже несут в ремонт, как на рынке покупали...

Ж1: А вы, когда себе покупаете, как вы видите, что она качественная или некачественная?

Ж3: Я...

Ж1: Поделитесь.

Ж3: Я большинство покупаю в магазине... На рынке стараюсь не покупать... потому что я куп... как-то купила кроссовки, вот сейчас вот э... подешевле, за 20 тысяч. Так я их самое большое неделю носила. Вся подошва отлетела... Отклеилась, опять по-новой надо было приклеивать и прошивать.

Ж1: То есть, в магазине качественная обувь продаётся.

Ж3: Но в магазине большинство кож... кожа натуральная, а... здесь вот эта одноразовая обувь, на рынке.

Ж1: Но она хоть ремонту подлежит?

Ж3: Но подлежит! Но некоторые так донашивают, что страшно... Но мы делаем всё. Из ничего сделаем хоть что-нибудь. В городе не берут, а нам несут сюда всю обувь.

Ж1: Из города даже приезжают, из Мин...

Ж3: Да, из города большинство приезжает. По городу нигде не берут, а у нас берут. Берём мы, делаем всё.

Ж1: Наверно, секреты какие-то знаете?

Ж3: Ну, я вообще-то не знаю, какие там секреты... Но стараемся делать всё, как по возможности.

Ж1: А материалы здесь у вас какие?

Ж3: Ну, материалы и... У нас и кожа есть, и резина есть, и клея, всё есть у нас...

Ж1: Ремонт обуви – один из самых востребованных видов услуг не только на селе, но и в городе. Правда, есть отличие в спросе: как это ни печально, на ритуальные услуги. На селе в этот пункт социальных стандартов прописан на территории каждого сельского совета. Однако жизнь есть жизнь. В деревне «Весёя» слущкие бытовики организовали производство ритуальной ёлочки. 6 человек, обеспечены работой и закрывают потребность в этом виде продукции не только в своём районе, но и в соседнем.

М3: Швейная машина вот, мы оборудовали её, просто сделали матрицу, выпилили, выточили её и прикрепили к ним ножницы. И за счёт возвратно поступательного механизма эти ножницы, они опускаются, поднимаются, и по... происходит рубка ленты с ёлочкой.

Ж1: А как быстро?

М3: Где-то минут сорок. Триста у нас в катушке 250-300 метров, и за минут сорок она прорубает две катушки вместе на этой швейной машине.

Ж1: Угу. То есть, это в общем-то, вообще-то так скажем ноу-хау ваше, да?

М3: Это да.

(смеются)

М3: Очень простое решение проблемы этой вот с венками.

Ж2: Вот... эти социально значимые услуги очень нужны, но ещё дополнительно люди просят, и мы это вводим. За этот год оказали четыре услуги. Это: выкапывание ям под... под гробы.

Ж1: То есть, обработка земельных участков.

Ж2: Да. Обработка ээ... Потом установка оград, памятников и уход за могилой, если ээ... там родственники живы... далеко где живут родственники. Люди просят и мы это вводим, согласно спросу населения. Особенно вот после свадеб, это самое, на вечера... выпускные вечера были это самое. Конечно, пользуется спросом у нас, и мы ещё будем пополнять этот фонд. У нас всех 24 комплексных приёмных пункта.

Ж1: Постоянно у вас наверно какие-то...

Ж2: Да, есть и постоянные, есть и подбавляются. Из л... люди в деревне же постоянные. Там же живут одни пенсионеры. Кому-то бурки надо, кому-то телогрейка надо, кому-то постирать надо эту телогрейку. Старушки сейчас это самое в прачечную сдают это самое, и постельное вот это самое за лето насобирают. У нас своя прачечная, стираем и...

Ж1: И по карману, то есть получается да, пенсионерам, допустим, постирать ту же.

Ж2: Ну конечно! «В» её ж нет возможности даже... По карману у нас. Как же она может постирать тую телогрейку, если мы вкинули, привезли её чистенькую. Если она подлежит ремонту, там где-то зашить или что, мы сразу же зашиваем, карманы.. ремонтируем.

Ж1: Больше всего работы в Весейском комплексном приёмном пункте у парикмахеров... Часто вы пользуетесь услугами этой парикмахерской?

М2: Постоянно.

Ж1: Вас устраивает?

М2: Конечно.

Ж1: А что?

М2: Быстро, качественно, красиво.

Ж1: Модельные стрижки делаете?

М2: Конечно м.. женщинам и нам тоже, мужчинам.

Ж1: А ваша теперешняя как называется?

(М2 смеётся)

Ж1: А вы знаете?

Ж4: Модельная стрижка Риф идёт.

Ж1: Как?

Ж4: Риф.

Ж1: Вы мужской мастер?

Ж4: Нет. Я мастер универсал, и мужской, и женский.

Ж1: А какая-то категория есть?

Ж4: Нет, пока парикмахер.

Ж1: Но здесь есть какие-то перспективы для того, чтобы повысить категорию?

Ж4: Ну да, в дальнейшем собираемся все.. повысить категорию.

Ж1: Но вы за свой счёт будете повышать или вам предоставляет это... вот эту вот умм... организация?

Ж4: Нет. Предоставляет и организация.

Ж1: То есть, председатель беспокоится о том, чтобы...

Ж4: Конечно, да.

Ж1: Квалификация чтобы.

Ж4: Да. Все беспокоятся и стараются, чтобы лучше всё, конечно, было на сельской местности.

Ж1: А сами вы дома можете так уложить?

М2: Нет, сам не могу.

Ж1: А долго у вас продержится такая красота?

М2: Ну, продержится. Хорошо продержится, всегда хожу к этому прох... парикмахеру, всегда хожу к этому парикмахеру и стригусь и улаживаю волосы.

Ж1: Угу... Ну, Светлана Владимировна, расскажите, много у вас таких своих клиентов?

Ж4: Ну... Есть немного клиентов. Хватает! Хватает, ходят, работаю уже здесь 2,5 года эм... вот. Ну нравится! Работа нравится... Люблю свою работу. Люблю своих клиентов. Люблю ходить на работу.

(смеётся) Всё устраивает, всё нравится.

Ж1: Ясно. А какие вы здесь услуги оказываете?

Ж4: Ну, парикмахерские услуги. Так из...

Ж1: И вот это вот парикмахерские?

Ж4: Стрижка, аа... ум... укладка вот. Стрижка мужская, женская...

Ж1: Но а теперешние модные мелирования там вс...

Ж4: Мелирование, колорирование, всё это у нас есть. Все стараемся за... сельский обл... умм... сельскому населению оказать все виды услуг. Чтоб тоже были красивыми.

Ж1: Но и много модниц приходит к вам?

Ж4: Да. Весей деревня большая ум... вот... Модниц здесь хватает, так что... людей хватает...

Ж1: Есть ещё одно немаловажное отличие сельского сервиса от городского. В деревне все друг друга знают и идут, например, с починкой одежды не в комплексный приёмный пункт, а к соседке, Тоне. Тут уж не схалтуришь.

Ж2: Нина, заказ твой сделали, смотри, одень... или так посмотришь. (протягивает одежду)

Ж3: Да. Я так посмотрю. Я же знаю, просто... ну с... спасибо, Тоня, я вижу, что она короче уже, потому что она моя была длиннее, ну вот.

Ж1: А это вы новую блузочку покупали, да?

Ж3: Нет. Это уже... была в потреблении. Я её носила. По... пересмотрела свой гардероб и решила укоротить блузку под брюки и так носить. Вот я ещё брюки принесла! Правда, брюки ещё не доделали. А блузка мне эта вот нравится и я её ношу.

Ж1: И получается обновили гардеробчик.

Ж3: Да! Получается, что я обновила свой гардероб. (смеются)

Ж1: И часто вы сюда обращаетесь?

Ж3: Часто-часто. Бывает и в парикмахерскую прихожу и там и...и обувь тоже, вот сейчас. Принесла недавно туфли в ремонт. Хорошо, что сделали у нас всё-таки комплексный пункт, что есть куда придти. (смеются)

Ж1: Валерию Григорьевичу укоротить рукава в новой куртке обещали к концу дня.

М4: Хорошо, что у нас появился в Уречье в городском посёлке комплексный приёмный пункт бытового обслуживания! Наконец-то начала возвращаться в деревни цивилизация. Хорошо, что работают здесь такие прекрасные мастера, которые могут сделать практически всё... У которых впору даже отдельным городским и столичным мастерам поучиться... поэтому м... я думаю, что заказ мой будет выполнен вовремя, и качественно, и быстро.

Ж1: Очаровательно!

Ж4: Всё, ваша причёска закончена.

М4: (разглядывает себя) Так... Ну, в принципе, я доволен.

Ж1: В новой куртке и с новой причёской.

М4: Спасибо мастеру.

Ж4: Пожалуйста.

Ж1: Очаровательно. Куда это вы собираетесь, Валерий Григорьевич?

М4: У нас сегодня в Уречье большое такое районное мероприятие. Сегодня собираются у нас, отмечают и день работника культуры, с которым мы немножко запоздали. Собираются все директора, да, домов культуры, во главе с нашим начальником отдела культуры, инспектором отдела культуры: Василием Степановичем Прокопцом и Ласхавец Валентиной Ивановной. Сегодня будет поздравление наших лучших работников по району, и вот сегодня такое мероприятие, я

туда и собираюсь. Очень благодарен, что у нас есть такой мастер в Уречье, наверное, хочу ей сказать большое спасибо, поблагодарить, потому что и настроение хорошее, приподнятое. Жизнь должна быть красивой.

Ж2: Мы, конечно, ставим новые машины, оверлоки, новые машины для ремонта обуви. Современные препараты.., потому что люди на селе уже тоже хотят хорошо обслуживаться, и чтобы хорошая была шампунь и лак для волос, и хорошее обслуживание, и хорошие специалисты, и стараемся обучать специалистов... Ну чтобы всё было цивилизованно и достойно. Служба была всегда служба хорошего настроения, и прежде всего работа с клиентом, и нам надо всем работать, для нашего народа. Чтобы народ всегда был доволен.

М1: «Шипр» – изумрудный ожог, зелёная вода с золотыми рыбками. Это спирт – шипит и стораёт на воспалённом лице. Лезвие «Спутник», платиновое покрытие – линкор цвета посуды цептер больно и остро бреющий рыжие водоросли. Риф подбородка и струйка крови – рубиновая луна нечаянного пореза. Ватка, как раз на адамовом яблоке...Я вышел из ванной и выключил телевизор. ...Серая байка с аппликацией Дональда Дака. Худые плечи по-детски торчат – нравится. Кожа на шее упруго арбузная, молодая – нравится. Летом не ношу трусы. Штроксовые штаны – грубый корт, можно дополнительные накладные карманы. Как обезьяна тогда, тянешься и вытягиваешь из кармана бумажки – список продуктов. «Молоко, хлеб, творог, ну и сам что-нибудь посмотри. Что ты хочешь? И купи ещё сырокопчёной колбаски, может быть, к чаю.» Чек на мороженное – шоколадный... Шоколадное море, как прошлогодние листья, преющие под снегом. Ещё больше шоколада... Листья... Кофе... Давно уже не пил. Листья кофе жевал во сне, комната изменялась в тумане дыма. Коричневые сигареты «Капитан Джек», какая-то фигня на них, губы потом сладкие... Господи, блин, как мне плохо жить утром. Чувствую мир внутренней стороной кожи. Кажется, изнутри меня больше. Дистанционное управление – пластмассовая рука, которой я, как крупье, тасую каналы, или пистолет...Пиздец. Меня кинуло в холодный пот. Лёг. Лежал, читал книгу. Поднялся, стал ходить по квартире. Ходил, ходил туда-сюда, потом лёг на ковёр, стал качать пресс. Покачал. Лёг на диван. Поднялся, залез на антресоль, стал перебирать видео-кассеты, хотел что-нибудь взять посмотреть. А если честно, и не хотел, ложь, ничего не выбрал... И как-то вдруг совершенно чётко понял, что мне полностью безразлично, где я живу, с кем живу, живы ли мои родители... И родина, что это такое? И если это что-то всё-таки существует, то мне оно безразлично в первую очередь... Лихорадочно стал собираться. Убежал из квартиры.

Ж1: После того, как мы гуляли по Ботаническому саду, я написала вот что: «Август укутался в старый клетчатый плед и тихо лепетал, дремля на веранде, сидя в соломенном кресле. Это напоминало глоток горячего, чёрного чая в прохладный влажный день на даче. Был один из таких спокойных и прекрасных дней, где всё затихает и кажется хрустальным. Мы шли по тропинке Ботанического сада, среди огромных елей, что очень напоминало длинную анфиладу с высокими стенами. Этот дворец оживлялся появлением маленьких рыжих белочек – очень милых существ. Пахло соснами, влагой и туманом, из-за которого всё вокруг казалось дымчатым. Насыщенный тёмно-зелёный цвет органично смешивался с

красным, желтовато-оранжевым и бордовым. Сине-серое небо, с облаками, крики ворон. Он шёл рядом – от этого становилось как-то тепло внутри. Мы искали пруд с лебедями, аллеи берёз, туй, лип. Пруд, красиво обрамлённый деревьями, дорожками со скамейками, где сонливо беседовали две старушки, в шляпках из старого войлока, пропахших нафталином и жареной картошкой. Лебеди – прекрасные гордые белоснежные птицы. И утки с красивыми синими пятнами по бокам и переливающейся зелёной шеей. Я кормила их свежим батоном, специально купленным им. Среди них был один единственный серый лебедь, возможно, молоденький ещё, и полюбившийся мне сразу. Ему досталось больше всего хлебного мякиша. ...Мы сидели на лавочке и пили красное вино, наблюдая за молодой семьёй, где малыш держал за руки маму и папу. Август дремал, мерно дыша, а лёгкий ветерок теребил его прекрасные каштановые волосы с золотыми нитями солнца, вплетёнными. Ещё там были лошади. Одна из них как-то призывно ржала. Это была песня. На мгновение эти звуки меня очаровали... Этот сад казался замкнутым в себе, живущий своей собственной жизнью, куда только изредка проникает город, в виде кафе «Балтика». Там свой мир, свои существа, свои люди... Своя собственная сказка, в которую ты опускаешься на мгновение, но не можешь выкинуть из сердца ещё очень долго. ...Я не писатель, я знаю, что плохо пишу. Но, пожалуйста, не судите меня строго. Я очень восприимчива к критике.

M1: Понимаете? Аня патриотка, мне до пизды где жить. Её любимые цвета розовый и коричневый, а мои белый и серый. Она любит Эдварда Грига, я группу Radiohead. Между нами ничего общего. Ничего не было и не может быть. Я не хочу, чтобы она мне звонила, не могу трахаться с ангелом.

M2: «И после этого ты мне будешь толковать о всяких там дзэн-буддистских штуках?... Да, Андрюха, представляешь, оказывается, я знаю и такое.» – Куган придержал дверь магазина, пропуская меня вперед.

M1: Я уловил запах его одеколона, горьковатый и свежий. Хьюго Босс однозначно. Да не собираюсь я с ней трахаться, понимаешь?! Я сидел там, блядь, в своей комнате один, и выл, блядь! А Аня мне звонила, она, блядь, как ангел для меня. Скажи, ты бы трахнул ангела?!... Мы разговариваем, понимаешь?! Просто разговариваем и всё тут!

M2: «Ладно, Андрей, извини.» – Куган опустил глаза, стал рассматривать прилавок с презервативами и печеньем. Полированным ногтем указательного пальца он стучал по стеклу прилавка. Ноготь блестел, как стекло прилавка. Остальные ждали нас на улице.

M1: Я тоже стал рассматривать прилавок. Там ещё лежали спички и пакетики с кофе «Матадор». Я не обижался на Кугана, это моя рана в сердце, а не его. И это мне больно жить с ней... В магазине кольцами вились запахи: хлеба, копчёных колбас и пота. Пах даже жёлтый свет, чем-то сухим и шершавым, как макароны. Всё двигалось, даже чёрные тени в углах перемещались. Подростки наседали друг на друга, выхватывая из рук продавщицы мороженое, словно мороженое горячее. Гул.

M2: От выставленных бутылок становилось празднично. Смех подростков и роскошь выбора возбуждали желание выпить.

M3: Пойдёмте уже! Берите уже что-нибудь и пошли!

Ж2: Мальчики, мы заждались!

M2: Ну сейчас-сейчас! Андрюха, что будем брать?

М1: Бомжи боялись охранника и пили суп из пивного стакана на крыльце. Мальчики выбежали из магазина. Закружилась голова – соль, сахар, вино, жвачка, сигареты.. Показалось, что среди нищих увидел его! Одиноким капитан АхАВ – кокаин и больной белый кит. Сын холодной радуги с горячей гривой, прилипшей к небесному костяному гребню.. Небо – это кость, синяя кость. На спине неба – дорога лакированного стола. На спине лакированного стола рассыпана дорога к белому небу. Это всё одноногий капитан АхАВ, или капитан Джек, если хотите.

М2: Андрей!

М1: От оранжевого огня его глаз телу стало темно, тяжело и жарко. Внезапная.. Блядь, только бы не блевануть.

М2: Андрик, ты слышишь меня?

М1: Магазин дёрнулся, вздрогнул, поплыл, рассекая дорогу и погружаясь в асфальт. Под ногами раскрылся рот земли. Центр тяжести города сместился в мой отравленный алкоголем желудок.

М2: Пропустите, пропустите, дайте пройти! Моему другу плохо!

М1: В ушах пчёлами звенели слова. Шторм кипящего океана вечерней улицы создал воронку, подо мной лопнул и провалился асфальт, всё вокруг яростно завертелось и из меня полилось горьким фонтаном – коньяк, кока-кола, жирные баклажаны, сигареты. И.. «Сука, сука ты! Я тебя ненавижу!» – орал, ревел я сквозь рвоту. – «Ты слышишь меня?! Где ты, блядь?!» И, конечно же, напоследок сквозь слёзы я выблевал: «Я убью тебя! Найду и убью, где бы ты ни был!»

Вот так. Оркестр пьяных исполнил симфонию тошноты.

Ж2: Мне уже хотелось скорее пройти на дискотеку. Охранник не спешил пропускать нас на дискотеку. Гардеробщица.. Ну, так себе одетая, наверное, возилась всё с моей курточкой. В общем, не могла повесить её, там вешалка такая спрятанная.. Ну, слава богу!

М3: Что, не может повесить?

Ж2: «Как таких тормознутых на работу берут. Пусть, не знаю, в туалете пусть работает с такой скоростью.» Квадратный, как Шварценеггер, тупой охранник с огромной лапой, у каждого проверил флаер, заклеил и только потом мы прошли. Накрыло сразу; музыка, свет, два танцпола, и все танцуют. Народу очень много, а это то, что мне нравится.

(все танцуют)

ж2: По ходу, собрались одни уроды. Ни одного нормального пацана нет.. Один подошёл ко мне, ну ничего такой, симпатичный, «Нокиа» новая, стал меня фотографировать.. Оба, Куган заметил. (танцует демонстративно перед фотографирующим её парнем)

м2: Понравился мальчик?

Ж2: Я улыбаюсь и продолжаю танцевать, не глядя на Кугана. Пусть поревнует, ему полезно. Сейчас я его уже настолько изучила, что даже знаю, что он скажет: «Давай, потанцуй с ним.»

(М2 пытается поднять Ж2, оба падают. Ж2 смеётся)

Ж1: Господи, зачем я пришла сюда? Мне кажется, я сейчас потеряю сознание. Андрей, Андрей.. Если б ты знал, на что я иду ради тебя.. Я прошла в туалет, чтобы сменить прокладку. В этот раз были какие-то очень странные месячные с какими-то непонятными стуктами.. Андрей! Честно говоря, не знаю, зачем я пишу всё это.. Просто у меня есть такая привычка, когда что-то не говорится, то лучше пишется. Меня сегодня немного смутил, или, вернее, сбил с толку твой вопрос про «привыкание». Да, я не буду отрицать, что у меня уже нет того чувства, которое было поначалу – эйфория, совершенно объяснимая, все новые эмоции, положительные в

основном, всегда эйфоричны. Но... И тут большое «но». Острота ушла, но она переросла в совершенно другой уровень. Правильно ты назвал – «привыкание», но привыкание не как обыденность, а как определённая близость. Внутренняя, то есть внутреннее приближение. Это такое... Ты однажды сказал, что когда я говорю про дачу, то я тебе «как родная». У меня тоже такого рода «привыкание, с оттенком «родного». Я почему-то очень захотела тебе это объяснить. Сама не знаю, почему, ты не обращай внимания, если у меня иногда будут такие вот «письменные заскоки». Просто меня это мучило, вернее мне просто показалось, что ты не совсем понял... огромное... преогромное спасибо за «Вот». Я просто счастлива, это очень моё...

М1: В квартире Кугана не было ничего, наверное, никогда, даже света. Только пятнистый как кожа жирафа ковёр на полу и старое вишневое трюмо, рядом с входной дверью.

М2: «Ну вот, можно кидаться на него» – указал Куган на ковёр и первым, не снимая кеды, уселся в центре, поджав по-турецки ноги.

М1: Все остальные повалились кто как, но если смотреть с высоты птиц, получалась такая ромашка.

Ж2: «Иди к нам» – позвала девушка с забинтованной лодыжкой. Её худые ноги торчали из юбки, как две спички в китайских тапочках.

М1: «Сейчас» – я стал на четвереньки и пополз к ней. На зеркале красной помадой нарисовали мужской половой орган, а поверхность трюмо была вся в разводах от горячих кружек. На подоконнике стопкой лежали «Плэйбой» и газеты про НЛО. В открытую форточку доносились звуки двора, брехала псина и ветер качал пустой скворечник.

Ж2: Девушка оперлась на ладони, выгнув спину. Майка задралась и открыла тело. Она улыбнулась, закрыла глаза.

Ж1: Мужчина на улице завёл машину, прогревая мотор, он ковырялся булавкой в ухе, его жена закрывала ворота гаража.

М1: Я поцеловал другую девушку. У неё почти не было груди. Что-то похожее на ушки спаниеля. И от волос пахло сигаретами. Кто-то сзади расстёгивал мне штаны. Я захотел коснуться влагалища девушки, с которой целовался. Она молча вынула мою руку.

Ж1: «Погладь мне живот» – и положила себе на живот.

М1: Эта девушка теперь в сумерках – чёрно-белая фотография на экране монитора; жидкость, первые звёзды слёз на новогоднем костюме мальчика Звезды; беспомощное танго в исполнении одинокой старухи.

Ж1: Она ещё спросила: «Как тебе мои джинсы? Я их в Могилёве на распродаже купила.»

М1: Я отвернулся и стал целовать бинт на худой ноге, той девушки. Бинт пропах грязью, мясом и мазью Вишневского. Девушка, с которой я целовался до этого, осталась одна. И тут она запела какую-то странную песню на языке подземных зверьков.

Ж1: Не могу больше терпеть. Я люблю тебя нежно-нежно... Люблю! Это так здорово! Внутри что-то тёплое, и щекочет, и нежность. Огромный поток. Просто знай это.

М1: Тенью лёг под одеяло на цветную простынь. Утро, время молчания, слышу, кого-то тошнит ливерной колбасой. Мне так хрупко захотелось тебя, чтобы войти, пока ты спишь. Хочу услышать, как ты застонешь, не открывая глаз, станешь мокрой. Я буду медленным, а ты ленивой, типа тебе это всё до пизды, типа ты просто ради меня сейчас раздвинула ноги. О – я так люблю. Я

же вижу, что тебе нравится! Хочу двигаться в тебе одновременно с ветром. Ты станешь легче, ты станешь прозрачной гардинкой, на которую я подую голую. Ты выскользнешь у меня из рук, словно утреннее созвездие кенгуру и из синих колонок на улице, вместо бензина, потекут холодные хлорированные души.. Я не тяжёлый и затаился. «Шарк-шарк» – это моё слово. «Пошли на пол, а?» Твоё «Ой» как слоновий хобот, как глубокий и чёрный тоннель. «Ооой» и скатилась на пол. Мне приснились девочка и лошадь. Я был одновременно и девочкой и лошадью, которую хотят убить. Какого хера мы оказались на небе, не знаю. А потом я увидел в небе плачущую ворону, она так по-человечески себя вела, что мне стало не по себе. Она остановилась прямо в небе, будто спортсменка из синхронного плавания, и сквозь воронье, проступали человеческие черты. Она невыносимо, жутко, отчаянно тосковала по другой вороне.

M2: Погоняло «Куган» – 33 года, посмотрел в очередной раз фильм «АССА», стал на перило балкона и ёбнулся на хуй с 9-го этажа. Так завершилась эпоха советского кино.

M3: Погоняло «Борщ» – 30 лет. Прослушал ещё раз альбом «different class» 96 года группы «Pulp», стал на перило балкона и ёбнулся на хуй с 10-го этажа. После этого Джарвис Кокер ничего путного не написал. Ну разве что «Wickerman» с альбома «we love life» 2001 года.

M4: Погоняло Лешик – 25 лет. Прослушал группы «slipknot», «korn», «deftones», «stone temple pilots», «sistem of a down» все альбомы. Стал на перило балкона и ёбнулся на хуй с 7-го этажа. С хард-кором и ню-металлом было покончено раз и навсегда.

Ж2: Все трое поднялись не поправляя одежды, закурили и посунулись на станцию метро «Пролетарская». Заметьте, никто из них не слушал группу «Гражданская оборона», потому что все, кто её слушает, уже давно мертвы.

M1: Я – погоняло отсутствует. 28 лет. Слепой, глухой и немой от рождения. Слушаю группу «Nirvana». Курт Кобейн жив! Ржите, бляди! Но я всё-таки выебу эту бабу, послушаю «Nevermind», потом стану на перило балкона и ёбнусь на хуй с 8-го этажа. Потом поднимусь, не поправляя одежды закурю, и присоединюсь к своим друзьям.. Входить в тебя, это словно вторгаться во владения хайку. Это словно ебать утро. Вашему королевскому милосердию не пристало выражать эмоции. Ты позволяешь себя ебать и мне это нравится. Ленивая, глупая сучка! Ты не подмахиваешь, и это прекрасно. Я пью тебя через тонкую трубочку поцелуя, морщась, ты отворачиваешься: «Умм»... Чувствую запах своей слюны на твоей коже. Ты не расстроишься, если не кончишь, тогда тебя доведёт кто-нибудь другой. Пятками упираюсь в стену, потому что ебу тебя уже на полу. Сжимаю зубы и стягиваю, сгребаю твою беззубую грудь. Пальцы проваливаются в облака. Ты лежишь на спине, как брошенный кусок мяса и бьёшься головой об чёрный ролик дивана. Вскрытая белая туша со штампом на животе. Ты тварь, мокрая, пьяная пизда. Я хочу быть голодной собакой, брехать, рваться с цепи и разбрызгивать пену, чтобы цепь натянулась до пронзительного звона и стал душить ошейник; чтобы коричневые бешенные глаза вывалились из орбит! О боже, я Чикатило, точно! Чикатило, который режет хлеб и размазывает масло.

Ж2: «Только не надо там ничего делать языком, мальчик» – я притянула его и положила себе на грудь.

М1: Твой голос сейчас ледяной конденсат, капли и пар от бутылки 0,5, вытащенной из морозильника. Я тоже так хочу научиться: лениво выплёскивать водочный ледяной огонь, а не спазматически второпях брызгаться тёплым пивом. «Я всё равно не кончу, пока не похмелюсь» – нашептал тебе в ухо, кое-что из музыкальной шкатулки, мелодию молоточков!.. Ты смеёшься и гладишь меня по волосам. Её высочество сама опытность снизошли.

Ж2: Так сходи причехлись.

М1: «Там... Куган на кухне спит» – говорю твоей коже в шею, не поднимая глаз.

Ж2: Бедный... Ладно.

М1: Бёдрами ты подала мне знак, глубже насаживая пизду. Теперь уже ты ебала меня... Я – выродок земли белорусской. Ненавижу всё, что с ней связано. Фольклор, язык, ветеранов, исторические места, ненавижу правительство и оппозицию, ненавижу людей, живущих рядом со мной, особенно деловых, всяких мерчедайзеров, энергичных, коммуникабельных, перспективных, подающих надежды и так далее. И уж тем более я не хочу никакой Европы, ну её на хуй вообще! Я хочу наслаждаться базарами эзков, алкашей и ебать продавщиц. А к вам, интеллигентам, у меня особая статья – неопознанные элитарные создания! Можете стебаться, глумиться, прикалываться надо мной. Можете, язвительно усмехаясь, смотреть на меня свысока, типа вы самые умные и всё про эту жизнь знаете! Уёбищное рефлексирующее меньшинство! Только не надо меня лечить! Говорить мне, что, где, когда и как делать! Оставьте мне мою первобытность и моё лицо второго сорта. Есть только три желания, три орешка для Золушки: хочу пить водку, ебаться и убивать.

М3: А мне приснилось, будто бы я иду по своему уёбищному заводу ещё до увольнения и знаю точно, что через цех пластмасс можно выйти к другой проходной, и никто из рабочих не знает об этом. Ни моя старая, ни хрыч, ни сестра. Сумерки. У меня во снах всегда так и все плетутся как овцы; и моя старая, и хрыч, и сестра. Молчаливые, хмурые, потому что до зарплаты ещё полторы недели, и ещё хуй его знает, дадут её вовремя или нет. Или начальство опять захочет деньги прокрутить. Но я не думаю об этом во сне, упорно продираюсь сквозь сумрачные ряды нелюдей – унылых созданий в спецодежде, обратно в цех. А в цеху уютно, чисто и солнечно. Свет падает из маленьких распахнутых окон, под самой крышей. И я понимаю, что цех – это церковь, и похоже вон там за пресс-формой и есть эта потайная дверь. Блин, она аккуратная, маленькая. Легко открыв её, я ослеп от обилия солнца. И как будто вот там вот, за ней, я вижу, я знаю. Должно быть что-то новое... Ну хоть что-то. Я иду туда, а там пусто. То есть там просто вообще нет людей, и я понимаю, что не хочу оставаться там. Хочу вернуться обратно, но чего-то у меня не получается...

М1: Я не могу кончить. Меня ломает, выкручивает, я дёргаюсь на тебе, как червяк, которого перерезали. Я действительно очень хочу кончить, сжимаю задницу, но не могу. Я страдаю во фрикциях, этакий дон Кихот, даже нет, скорее бьюсь на тебе в конвульсиях, солнечный эпилептик. Лобками остервенело мы ударяемся друг об друга. Комната шипит и хлюпает, утопая в слюне и смазке. О господи, у меня складывается такое впечатление, будто бы это и есть моя судьба: приапизм в жёлтом лабиринте старых периодических изданий.

Ж2: Ты точно не можешь или сдерживаешь себя?

М1: Я заметил, что королева старается. Вдруг для тебя это стало принципиальным. Вот бы выебать время, пока ты вспомнишь, как ещё меня можно назвать ласково! Как ты называла своих мужиков ласково? У времени, видимо, вечно молодая зелёная сперма. Вот бы время меня выебало, потом насадило на свои белоснежные крученые рога и швырнуло об стену! Это факт – осколок времени застрял во мне, и теперь я живу исключительно прошлым.

М3: За последние дни во Франции были сожжены тысячи машин. Лишь по приблизительным оценкам страховых компаний, ущерб может достигнуть суммы в 200 миллионов евро. Война в предместьях, получившая название новейшей социальной революции, охватила почти всю страну и перекинулась на соседние страны. Каждый второй житель Парижского пригорода Сен-Седени до 25 лет – безработный. Статистика, знакомая каждому эмигрантскому кварталу. В итоге молодёжь выходит на улицы, торгует наркотиками, грабит и угоняет автомобили. Лидеры местных общин, чтобы хоть как-то увести подростков с улицы, привлекают их в спортивные секции. Эти ребята мечтают о карьере в спорте, другой возможности зарабатывать на жизнь, они считают, им не светит.

М4: Хоккей есть хоккей, и этим всё сказано. А вот у-шу хоть и прочат место в олимпийской программе Пекина в 2008 году, тем не менее, не перестают считать не более чем просто оздоравливающей гимнастикой. Впрочем, так это или нет, поинтересуемся у компетентного собеседника. В студии «Контуров» тренер по у-шу, старший преподаватель университета физической культуры, Владимир Лошаков и чемпионы Беларуси, мастера спорта Светлана Копейкина и Максим Лошаков... Владимир Борисыч, так чего же всё-таки больше в у-шу, спорта или оздоравливающих процедур?

М2: У-шу, оно с одной стороны направлено на эээ... в сторону преобладания спортивных качеств, а с другой стороны, даст развитие здоровью.

М4: Владимир Борисыч, вот вы принесли какие-то предметы, или они в общем-то приближены к настоящему оружию?

М2: То, что мы видим здесь это ааа... эм... оружие, которое эволюционировало из боевого оружия. Практически оно практически идентично боевому оружию. Но настоящее всё-таки боевое оружие эмм... большей массы и... ээ... по определённым критериям эээ... осуществляется заточка оружия.

М4: Ну, мы сейчас увидим, наверное, какие-то упражнения ээ... ум... в исполнении ребят, а вы прокомментируете что, что будет происходить.

М2: Пож..

М4: Да?

(М3 и Ж3 демонстрируют упражнения)

М2: (комментирует) То, что сейчас ребята показывают, это как раз традиционные комплексы. Так и... из таких комплексов формировалось спортивное у-шу, комплексы спортивного у-шу. Этот комплекс называется а... ум... в переводе его можно где-то перевести как... аа... способ взаимодействия с противником в четырёх направлениях. Здесь спортсмены разворачиваются в четыре стороны света и выполняют определённые приёмы в различных направлениях.

М4: А вот в чём разница в у-шу или каратэ. То есть, я смотрю, корни есть какие-то общие, да?

М2: Уэээ... На самом деле, как и японцы, так и китайцы, они все как один говорят, что происхождение современного каратэ... через Окинаву происходит из Китая.

М4: Угу.

М2: То есть, можно говорить, что... умм... настоящее происхождение каратэ, это... аа... он... оно происходит из у-шу. Комплексы, которые выполняются в у-шу, они на современном этапе, в отличие от традиционных гораздо более динамичны и... более сложны по исполнению.

М4: Хорошо. Давайте сейчас увидим, наверное, упражнение с оружием и... у... по какому принципу оцениваются вот данные упражнения?

М2: Значит, существует как бы эм... умм... два, две разновидности комплексов. Это комплексы с коротким оружием, вот то, что сейчас дем... демонстрирует Светлана. В... аа... разделы, комплексы с коротким оружием входит ээ... комплексы с мечом Дянь. Вот то, что она сейчас исполняет... и... комплексы с мечом Дао, с широким мечом. В таких комплексах оценивается ум... с одной стороны, точность движений, точность траектории, точность вращений, уколов и перемещений. С другой стороны, точность приложения силы г... в... при исполнении комплекса при нормальном приложении силы, мечи должны вибрировать, как раз и издавать определённые звуки.

М4: Ага.

М2: Вот в... второй комплекс... второй комплекс с мечом Дао, он как раз гораздо более, в нём гораздо более выраженность... эмм... гораздо больше выраженность силы...

(молча наблюдают за М3 и Ж3)

М4: Владимир Борисыч, мы можем сейчас увидеть парное выступление?

М2: Пожалуйста, да.

(молча смотрят)

М4: Владимир Борисыч, как оцениваются парные выступления?

М2: Каждое выступление спортсмена... и в... парных и во всех остальных... эмм... видах, оценивается из расчёта 10 баллов.

М4: На что обращать внимание?

М2: Оценивается техника выступления, рациональность атаки и защиты..., плотность боя, различные способы взаимодействия, насыщенность..., разнообразие техники... Так же применение различных сложных и простых элементов.

М4: Ну что ж, Владимир Борисыч, большое спасибо. А... за рассказ и... ээ... остаётся пожелать вам только успехов и новых-новых побед.

М2: Спасибо вам также.

М1: Зависимость – чёрный репей; кровотокающие татуировки.

Ж2: Я могу встречаться с тобой иногда, но я не хочу давать тебе никакой надежды, мальчик.

М1: На коридоре кричали – не разобрать. Кто-то слушал на всю Дереше Mode – "Dream On". Тухлые головокружения, кривые ноги, горячие бриллианты из глаз одинокого велосипедиста. Байкеры и крокодилы; кругом песочные крокодилы вылазят из-под платья пустынь. Старый седой капитан рассыпал зернистую крупную соль из фуражки. Стала белой соль правды.

Ж2: Я уже скоро шугаться тебя начну. Я боюсь, что ты мне какой серной кислотой в глаза плеснёшь... И вообще я Кугану всё расскажу!

М1: Фуражка горит и слепит латунным якорем, как начищенные болванки ручек в закрытых дверях министерств. Пьяный сыт на стеклянные гамбургеры в витрине, его бьют менты. Гамбургеры – глаза августа. Капитан отстегнул деревянную потрескавшуюся ногу и лупит ей об асфальт. У него своё над головой чёрное небо. Цвет зависимости – цвет шторма; цвет смеха волосатых хиппи. Трафик зависимости – подушка без наволочки, сырость пустых квартир; грязь под ногтями; неврастения почёсываний. В трамвае когда едешь постоянное напряжение на остановках, хочется выйти – хочется выйти из трамвая. Трамвай поехал и всё – выдохнул.

М3: «Андрюха, ты хоть ешь что-нибудь! А то уже дошёл, блядь, как призрак ходишь. Где сигареты, не у тебя?» Борщ опустил аккуратно стриженую голову и стал стучать себя ладонями по карманам ветровки, в поисках сигарет.

М1: Сигареты были у меня.

М3: Борщ достал мобилки, положил их на землю, полез в карманы брюк. Он всегда придерживался более классического стиля – «Блядь, может в кафе остались?»

М1: Я глубоко вдохнул улицу, пыль на языке; закрыл глаза, запрокинул голову. Определённо нравится этот вечер, эта тоска, этот вокзал с его шумом. Улыбнулся. Я всё теряю и я остаюсь.

М3: «Что лыбишься? У тебя, что ли?» – Борщ ткнул кулаком его в грудь.

М1: Я молча достал сигареты из кармана пиджака – «Кэмэл» в жёлтой пачке. В синей слабые, мы их не курим. Достал, протянул Борщу пачку.

М3: «Ну рассказывай» – Борщ взял, стал деловито распечатывать пачку.

М1: «Что рассказывать?» – я стал рядом и присел на тёплый камень перехода.

М3: «Всё рассказывай» – Борщ передал Андрею сигарету.

М1: Я сунул сигарету в рот. Люблю держать сигарету во рту. Вижу курносый профиль Борща и полотно вокзала в фас. Борщ поднёс зажигалку к моей сигарете, от ветра зажигалка гасла.

М3: «Блядь» – психовал Борщ, дрожа кремень.

М1: «Ладно, – я убрал его руку с зажигалкой. – Прикури сам, потом я». Мимо нас шли люди, менты с собаками. Вечер делает людей красивее, чем они есть на самом деле... Я не могу отличить проститутки от порядочной женщины. Борщ протянул мне зажигалку, я прикурил с восьмого раза. Затянулся и на старые дрожжи сразу почувствовал себя пьяным. В голове стало мутно, захотелось плакать: «Борщ... Вот пойми меня только...»

М3: «Хорошо, Андрик.» –

М1: Борщ обнял меня, сделав интимное лицо. Я убрал его руку и не обращая внимания на ёрничанье продолжил: «Ты вот понимаешь, что всё это... что он, блядь... Блядь, ну как тебе объяснить? Да ты сам всё понимаешь! Хули, я даже не посмотрю, что он муж моей сестры...» Я заметил взгляд Борща; он опустил глаза.

М3: Мне было неудобно перед людьми вокруг за Андрея, за его неуместную эмоциональность, оттого, что он так громко говорит.

М1: Но мне уже было насрать на его неудобство... Ты знаешь, например, что вот, ты ж не знаешь, он... Второй день свадьбы малой. Мы стоим возле «Араб Снэка». Малая закуривает, ну знаешь такие тонкие дамские сигареты. А он ей вот так с налёта по лицу как даст! А у меня автоматически реакция сразу сработала, меня в таких случаях замыкает сразу. Я ему трэсь, и в морду. А он

знаешь что, на колени передо мной стал и плачет, что так сеструху мою любит, что пиздец!.. Дай ещё сигарету.

МЗ: Борщ привстал с тёплого камня перехода, протянул пачку, кашлянул: «Андрей...»

М1: Не перебивай.

МЗ: «Ну хорошо» – Борщ присел обратно на тёплый камень перехода.

М1: Я проследил за его взглядом и увидел невысокую блондинку с хитрым лицом. Она остановилась возле нас, присела на тёплый камень перехода, а её подруги пошли на вокзал. Наверно, ссать пошли, а она осталась, похожая на сытую белку. Я прикурил, глубоко затянулся: «Сестра для него просто, – я выпустил дым сигареты через нос. – Просто так вот, потрахаться, придти в четыре утра домой да удовлетворить свою потребность, до обеда дрыхнуть, потом причёсочку полтора часа возле зеркала и пошёл типа по делам на всю ночь в «Аквариуме» сидеть. А малая терпит! Понимаешь? Он не должен жить по-любому. Он говно. А мне до пизды. Мне не за что цепляться к этой жизни. Как сказать... – в глаз попал дым, я потёр глаз. – Я это понял...»

МЗ: «И как давно ты это понял, – Борщ смотрел на блондинку и разговаривал с Андреем. – Андрюха?»

М1: «Неважно» – в конце концов я тоже на неё посмотрел. У неё были тонкие алые губы и полные ноги, под чёрными колготами. Я почувствовал возбуждение и сразу стал сам себе противен.

Ж4: Блондинка достала из блестящей сумочки флакон с туалетной водой и несколько раз пыркнула себе на артерию.

М1: Мне больше не нравился «Давыдов», им всегда пользовалась Аня. Этот дынный запах угнетал и делал меня шизофреником.

МЗ: Борщ улыбнулся: «Чем это так запахло?»

М1: Блондинка среагировала мгновенно.

Ж4: А что, вам не нравится?

М1: У неё был голос, как... как помидор.

Ж4: Блондинка пустила из глаз стрелы. Их серые наконечники проникли в Борща.

МЗ: Почему? Очень нравится даже!

М1: «А мне – нет!» – я перегнулся через Борща, став ближе к блондинке. «Мне, например, больше нравятся более сладкие запахи. К тому же, это «Давыдов», а им пользоваться сейчас по-моему просто пошло. Если не ошибаюсь, «Давыдов» был актуален ещё лет шесть назад?» – Я её хотел. За её толстую жопу, за её большие груди и за её эту такую вонючую пошлость.

Ж4: «Педик» – плюнула блондинка и улыбаясь пошла навстречу подругам.

М1: «Шлюха!.. Ну что, это нормально, ты считаешь?..»

МЗ: Борщ, запрокинув голову, хохотал.

М1: Ну вот и хули ты ржёшь?! Вишь, блядь, королева какая, ёбаный в рот!

МЗ: Ай, нормальная баба, пошли.

М1: Я увидел спину Борща, примятость ветровки. Я догнал его и зашагал рядом.

Ж1: (лысая) Боль – чёрствые зелёные конфеты; плесень на шоколаде, гнилые фрукты, уже который месяц киснущая заварка; кровь на плитках метро; когда ты находишь красоту в стариках; когда нравится любоваться искусственными цветами; крики перелётных птиц поздней осенью; голые аттракционы под ливнем, червивые грибы, конец августа. «Ничего не хочу. Прошу вас, ничего не хочу, прошу вас оставьте меня в покое в конце-то

концов!» Боль очень страшно описывать. Вкус, цвет, чувствуешь когда вдруг оказываешься полосатой мишенью для дартса... Ну один просто раз представьте: конец августа, прохладный солнечный полдень. Месиво нищих на крыльце гастронома. Острые дротики взглядов.

М2: Смотрите, у неё такое лицо распухшее. Наверное, после химиотерапии.

М3: Да, точно! И волос нет совсем!

Ж1: «Да, нет волос, и что?! – садись на лавку. – И нечего так пялиться!» Садись на лавку. Пока спустилась на лифте, дошла до магазина, уже вспотела. Обезболивающие таблетки четыре раза в день. Садись на лавку. Воробьи и нищие собирают крошки с асфальта. Разноцветный сырой мусор прёт и вываливается из урны.

М4: Собери пять крышечек и получишь кружку от «Кока-кола». Мальчишка-призрак с жёлтой крашеной перекисью головой в джинсах и чёрной байке с надписью «Эминем» роется в мусоре...

Ж1: «Союзпечать» – вечный незыблемый бастион информации», приют для газет. Можно ещё купить всякую мелочь, но это по ходу уже... Дымчатый миттель, выставив козлиную бородатую морду, тупо мочится на угол киоска. Моча расплывается, асфальт темнеет, моча затекает под урну... Бордовый минивэн в шеренге машин, парковка только для посетителей. Пыльный. Цвет как-то меркнет и автомобиль сразу теряется, дешевет. Задние колёса чуть спущены.

М2: Толстый стриженный парень, закос под бандита, вышел из машины. Курит и бакланит по телефону. Дешёвый трёп, типа крутой: «Да ты чё, братан, счёт-фактура пошла в натуре. Вечером жди товар... Ага!» Он ржёт и дёргает ногой. Наклоняется, лезет в машину и делает громче звук в магнитоле: «Владимирский централ – ветер северный. Этапом из Твери зла немерено...»

М3: Трусливый неформал на роликах, ест мороженое и брезгливо косится на парня.

Ж1: И в этот момент из магазина выходит девушка, с ребёнком на руках. Жена этого парня. Сумки в руках, ещё и ребёнок. А он трещит там по своему телефону, ржёт что-то. Девушка такая симпатичная. Волосы красивые, хорошие. Причёска а-ля 80-е, так пострижено всё неровно, «лестницей». И вот она этого ребёнка опускает на землю. А ребёнку лет пять, наверное. Девочка, такая хорошенькая, глазки эти.

М4: И стоит мужчина на костылях. Одной ноги нет и левой руки до локтя. В пиджаке чёрном, майка такая с медведем светит из-под пиджака. Лысина розовая и волос, оставшийся седой, лёгкий, практически нет уже его совсем.

Ж1: И в руке у него огрызок. То ли от груши, то ли от яблока.

М4: Но факт в том, что он только что ел его, ещё жуёт. Смотрит, значит, на эту девушку с ребёнком. А ребёнок пацана этого с мобилкой возле машины увидел, и к нему, значит, через весь тротуар бежит и кричит: «Папка, папка!». А этому пацану хоть бы хуй! Вот как пиздел по телефону, так и пиздит. Точно не видит, что девочка, дочка его к нему бежит. Тут в общем эта девочка, а ножки ещё слабые, кривые, падает, наверное, зацепилась за что-то и начинает плакать! Плачет, просто навзрыд ревёт.

Ж1: Я лично не могу спокойно, когда дети плачут. У меня... маленькое это крохотное существо... Девушка эта сумки бросила, к ребёнку подбежала.

М4: А люди, прикинь, малая лежит на дороге, плачет, а они её обходят! И этот по телефону – папа, даже не шелохнулся. Вопросы

решает! Такого папу за яйца да об стенку! Мать как бы дочку подхватила, к себе прижала, успокаивает, по головке гладит. А этому всё до пизды! И она так на него – раз! Косяка такого злобного кинула, но ничего не сказала.

Ж1: И мужчина, инвалид этот, на костылях, без ноги который, а я сижу на лавке и вижу всё – лицо у него изменилось.

М4: Вот можно сказать алкоголик там, бомж, да?! А вот лицо у него изменилось. (уходит)

Ж1: Нежность, пронзительная какая-то щемящая доброта и нежность. И я слышу, как он говорит.

М4: (обернувшись) Не плачь, всё пройдёт, не плачь, пройдёт, пройдёт.

Ж1: Так говорит, как будто всю жизнь свою вкладывает... У меня душа наизнанку вывернулась, сердце зашло. Глупо, банально, лирика всё, но только я еле-еле со слезами справилась. Вот так. Просто всё. Андрюшенька! Каждый вечер, перед сном, я думаю о тебе, обняв игрушку. Целую его в носик, лапки. Потом я прошу бога, чтобы тебе было хорошо и чтобы ты меня любил так сильно, как я. Для меня это необходимо, как воздух. Что будет, если ты меня оставишь? Думаю, это как будто тебе горло перетянут струной. Сухо так, как в пустыне, на раненой земле трещины. Не будет жизни. Я слишком много живу сердцем. Это моя беда. Я наркоманка. Мой наркотик – кайф единения с тобой. Я вполне серьёзно. Я раньше не испытывала такого погружения в человека, растворения в нём. И я без этого не существую. Может, конечно, стоит остановиться. Наркомания – это всегда одинаково плохо... У меня есть один панический страх потерять тебя. Блин, вечно в голове пульсирует: «Мальчик мой любимый, хороший мой... Мальчик, любимый...». Наваждение какое-то. Самое большое счастье, был момент в кинотеатре, когда ты вдруг проснулся, взял сам мою руку... Сумбурно, непонятно всё получилось. Лучше нарисовать, что ли... Я просто люблю тебя. Вот и всё. Может такой ещё молодой, пылкой, всепоглощающей любовью, но другой не будет, ты уж прости... А теперь я знаю, что делать. (уходит)

М1: (с пистолетом в руке) Вагина перехода – метро «Октябрьская» внутри алое и больное, как гнилая клубника, блестят зеркала. Вход – бетонная пасть, тупо открытая на приёме дантиста – «Откройте рот». А там нет ничего, только сухая горячая пыль стелется к обескровленным дёснам. Лава лестницы – застывший поток камня. Мы спали все, когда он сползал под землю. Только женщина эта у входа, что продаёт сигареты, не знаю вообще когда она спит?! В шерстяной синей юбке, гетры наверно украла у гуманоидов, пока те торговали алмазами разноцветных брызг, разложив на скамеечке у фонтана – вставные челюсти Барта Симпсона, дыхание дистрофичного наркомана, женский смех... Абсолютно не понимаю, что происходит! Мы приехали на рынок, народу тьма! Я стою в центре, все меня толкают, злятся. Сквозь зубы цедят оскорбления. Правые вперёд, левые назад, уравнивают моё колебание из стороны в сторону пинками. только бы скорее уйти из этого звенящего людского роя. Воздух ещё сухой и морозный, колокольной шапкой накрывает голову и болтается она закованным в медь языком туда-сюда. Главное, не сдвинуться же, то есть как бы и двигаясь, но остаюсь по-прежнему на месте. «Я не могу попасть к себе домой!!! Я хочу к себе домой!!!»... А люди вокруг вовсе не люди, а какие-то карлики. Забрали мой пистолет... Они пытаются поставить меня на колени, и

где-то среди них я вижу заблудилась девочка и плачет, цепляясь руками за джинсы, юбки, пальто...

Ж2: Гуманойд клонировал свои пальцы, чтобы голодная Аня их ела. Он прибыл на нашу планету, чтобы спасти детей.

М1: (стоя на коленях) Я сразу его увидел. Хорошо одетого с плёткой в руках. Мне стало страшно, я закричал. Я пополз на коленях вместе с остальными.

(все по кругу ползают на коленях)

М1: Я прятался за других. А он находил меня и шёл всегда рядом со мной. Такой заботливый и серьёзный, постукивал плёткой себе по ладони, и я не смел на него взглянуть... После прогулки он насыпал нам какого-то сухого зерна. Он кормил нас и мы с благодарностью ели. И тут я окончательно понял, что я уже не человек.

(все клюют зерно)

Ж3: Никогда ни о чём не жалеете вдогонку, если то, что случилось, нельзя изменить. Как записку из прошлого, грусть свою скомкав, с этим прошлым порвите непрочную нить. Никогда не жалеете о том, что случилось, или о том, что случиться не может уже. Лишь бы озеро вашей души не мутилось, да надежды, как птицы, парили в душе...

Ж2: Я такая невезучая, причём не везёт ну совсем чуть-чуть. То автобус прямо перед носом двери захлопнет, то перчатки потеряю, или чехол от только что купленного зонтика. Пришла вчера в Сберкасса, за квартиру платить, мне кассирша говорит: «Возьмите лотерейный билетик на сдачу». Я отказалась.

М4: А я взял.

Ж2: Да. А мужик, который за мной в очереди стоял, мой билетик и взял.

М4: (улыбается) Ну. Думаю, чего, возьму билетик.

Ж2: Чего-то там потёр.

М4: Ага.

Ж2: Потёр и говорит кассирше: «Посмотрите, девушка, я, кажется, выиграл». Та билетик проверила: «Да!» - говорит.

М4: Ну! Чисто на халяву, думаю. А она мне: «Вы 300 долларов выиграли!»

Ж2: Я прям там села на пол - и разревелась. Дети маленькие, обстирывать всех уж рук не хватает. Мне бы эти деньги такгодились. 300 долларов! Это стиральную машину купила бы с сушкой... Ну что ж мне так не везёт?

М4: (хитро) А вот! (демонстрирует талисман)

Ж3: Да-да... И Марина попробовала что-то изменить к лучшему. И купила комплект талисманов: «Для достатка, удачи и везения»... Прошёл год, расскажите, что в вашей жизни изменилось после покупки талисманов?

Ж2: Если главное - мне просто стало везти и не только мне, а и Кугану - мужу моему и детям. Чуть-чуть, понемножку, но одно за другое цепляется.

Ж3: Неужели денег много выиграли?

Ж2: Нет, конечно, всё как-то незаметно произошло. Вначале меня, а не другую женщину, в должности повысили, потом вдруг как озарение нашло, предложила начальнику, как можно нашей фирме деньги экономить. Он премию. Потом филиал открыли, и меня туда заместителем директора назначили. Деньги перестали «утекать». У

нас никогда раньше не получалось что-нибудь откладывать, а теперь даже хорошим друзьям в долг даём.

Ж3: Это правда?

М2: Да, конечно.

Ж2: А мужу в чём везти стало?

(М2 хочет сказать)

Ж2: Поехал он на рыбалку и у какого-то деда за бутылку водки старый мотоцикл с коляской купил.

М2: Да вот, купил мотоцикл, оказалось – раритетная модель, чёрт её возьми. Приехал коллекционер из Германии, предлагал новый Мерседес в обмен на мотоцикл. Но как-то посоветовались вот с ней...

Ж2: Мы решили деньгами взять.

М2: Можно было Мерса брать, чего, можно было Мерса брать...

Ж2: (к М2) Тебе давно уже хотелось на себя, а не на «дядю» работать... (к Ж3) Хотим свой маленький бизнес открыть. А то, что сразу миллион не выиграли, так это даже хорошо. Зависти нет у соседей, пересудов. Всё естественно происходит.

Ж3: Просто чудеса какие-то!

Ж2: А вы не смейтесь, действительно, чудеса происходят! Я, например, в лотерею теперь почти всегда выигрываю. По мелочи – доллар, два доллара, один раз только 10 долларов выиграла.

М2: Правда, талисманы от этого темнеют очень сильно. Темнеют. Часто чистить приходится их, .. талисманы.

Ж2: У детей с учёбой наладилось. А сколько раньше мы денег репетиторам за внешкольные занятия платили! Ужас! А недавно вообще неожиданный подарок. Письмо пришло от нотариуса. Оказывается, троюродная тётка, которую я в жизни никогда не видела и не знала, вдруг почему-то мне свой домик завещала. Ну что тут скажешь! Поедем смотреть.

(М2 неразборчиво бубнит)

Ж3: Вы думаете, эти перемены произошли благодаря талисманам?

Ж2: Я в этом просто уверена! На годовщину мы обменялись подарками, я ему подарила «Обереги для любимого», а он мне – «Обереги для любимой».

(ведут себя, как куры)

М2: Скажи, Иона, что ты любишь?

М1: Я люблю хлеб, крыши и чердаки.

М3: Так, хорошо... Мы знаем, что твои родители осели, а ты продолжаешь?

М1: У нас разная философия. Особенно я люблю прыгать.

М4: И в чём же она заключается, Иона?

М1: В понимании времени и движения.

М4: Разъясни.

М1: Предполагается две модели существования. Либо всё движется, либо же находится в покое. Допустим, что основой, эталоном недвижения является бог. Так как он закончен и совершенен, ему некуда двигаться. Он неделим и он чистое благо. Но если он во всём и всё в нём, следовательно, он движется, так как всё вокруг и мы в том числе находится в движении. Всё развивается и стремится. Но куда развиваться богу? Если он создатель, мерило всего, отсюда – движения не существует. Время – единица измерения скорости движения. Исходя из теории противоположностей, если есть хорошо, значит, есть и плохо:

добро – зло, смерть – жизнь и так далее, значит, существует что-то, противоположное времени, антивремя или безвремяе.

М2: Хватит! Я уже понял, к чему ты клонишь.

М3: Дадим ему досказать. Говори, Иона.

М1: Но поскольку движения нет, нет и времени. Значит, у категорий нет антонимов. И поскольку бог добр, милостив, великодушен и недвижим, следовательно, есть только добро, счастье, любовь. В общем, то, что хорошо. Но как объяснить то плохое, что происходит вокруг? Можно предположить, что это не плохо или же это «плохо» только для нас. Сродни испытанию, испытанию противоположностями. Что как раз удачно сочетается с теорией нашего двойного существования. Я имею в виду жизнь тела и души. В покоящемся, завершённом боге происходит движение, созданное им для нас и никак его не касающееся. Движение ради дальнейшей жизни в идеальном целом. Но тогда принятая всеми без доказательств теория «бабочки» несостоятельна. Потому что если мы в теле, словно в коконе и смерть есть превращение нас в бабочек, то как объяснить покоящийся кокон? Поэтому я решил, что прыгать – естественное промежуточное состояние между покоем и движением. Таким образом, прыжки освобождают меня от каких-либо обязательств перед любыми теоретическими выводами. Своим якобы движением я не противоречу ни одному из них.

(прыгает)

М3: То есть, фактически подтверждение теории древних о вечном земном движении к еде? Так я понимаю, Иона?

(М1 прыгает)

М2: Хорошо, скажи, какие ты знаешь стаи?

М1: Американскую, японскую, русскую. Но мне ближе всего, конечно, европейское сообщество.

М3: Хорошо, я думаю, мы тебя примем. Опиши самое яркое впечатление, ну скажем, за последние три месяца.

М4: Меня несколько удивили Ионины заигрывания с истиной. Если уважаемая комиссия позволит, у меня есть к нему вопрос. Скажи, Иона, когда смотришься в зеркало, ты узнаёшь себя?

М1: Иона пишет о самом ярком впечатлении и вот его рассказ: «Иона проснулся от того, что дёрнулся. Проснулся. В ажурную вязь нежных кружев темноты мышцы расслабились, вот и дёрнулся. Отделилась единичная судорога и запачкала, будто тёмный узор бледным светом. Так светятся в темноте манные облачка Иониного дневного напряжения. Если бы не устал, то не дёрнулся, не проснулся и не спрыгнул бы. А так спрыгнул и теперь совсем наследил. Да так, что видимо ночь порвала главную эфирную нитку. Потому что спать ему больше не захотелось. «Вот это дёрнулся, – подумал Иона. – Даже голова откинулась».

М3: Хорошо, Иона, ты идиот, это нам понятно и так. Но пойми, это не имеет никакого значения. Лучше сделаем вот как. Вот тебе три темы, любую на выбор опиши. Я думаю, что комиссия одобрит мой к тебе подход.

М2: Три темы для Ионы: Еда. Семья. Свобода.

М4: Если комиссия не против, я всё-таки попросил бы, чтоб Иона ответил на поставленный вопрос: ты узнаёшь себя в зеркале?

Ж1: То, что написал Иона: Иона, сидя на кровати, ждал. Темноты ждал, когда окончательно стемнеет. В неживых сумерках пальцам Ионы было холодно. В сумерках, которые не светло, но и не тьма, у которых одна серая краска. В сумерках небо свободно от солнца.

Поэтому из пустой будки течёт на Иону неживая серость. Он не чувствовал, когда ждал темноту. Весь погрузился в это ожидание, отстранился от холодных пальцев, от бледно-синих мертвенных стен, от параша, отстранился от источника жёстких сумерек. Он знал, что наступит ласковая темнота, которая растопит лёд замёрзших пальцев, и в ожидании зловеще пошевеливал ими. Как Иона-тиран, как Иона-цезарь. Приносит другим боль, чтобы в ней открыть секрет боли своей. Как Иона без империи, которого на обломках заносит пепельным снегом навалившихся вдруг сумерек. Он сидел на незаправленной кровати и уже даже сумел отстраниться от ожидания и этого пронзающего сотнями отточенных игл спокойного холода. Веющего холода в бездушных сумерках, когда не ждать темноты – единственное, что осталось Ионе. Ещё единственное, что ему осталось – это сидеть на незаправленной тонким одеялом пружинной кровати. Скрипучей даже от тощей Иониной задницы. И когда в долгожданной темноте Иона будет кутаться в это негреющее байковое одеяло, кровать заскрипит торжествующий марш его победоносных снов.

Ж2: «Надо бы попить» – подумал Иона. И теперь в камере стало по-настоящему темно.

М1: Это редкая удача, когда помимо холода сумерек на колени падает квадратик хлеба и по подбородку дорожкой бежит вода. Он поставил пустой стакан на тумбочку в изголовье кровати и поболтал в темноте ногами, которые, нависая короткими костыликами, не доставали пола.

Ж2: Иона участвовал в тихой жизни: в лунной музыке скрипов и шёпотов, в трении штор и биении капель. Он грелся частицами лунного света, что, несомненно, всего лишь самообман, только Ионе стало теплее. И проще бороться с бесформенной грудой выпирающего ледяного ужаса перед создавшимся положением. Ужас чёрными мерцающими вершинами адреналиновых пиков пробивал пол, как сваи-стволы, как толстые железнодорожные гвозди, вбитые в камеру. Ужас шамкал беззубым ртом и хотел сожрать Иону. Разжевать гнилыми дёснами и проглотить. Что будет дальше с ним? Иона, сильно вдохнув, затянулся темнотой, и трава лунного света закружила слабостью внутри.

М1: «Если бы умер, то умер тогда». А сейчас, задержав дыхание, чтобы подавить кашель, Иона убеждал себя, будто будет жить. Вот с помощью таких простых действий: дыхание, питание, ощущение тепла. Научиться жить Иона должен в темноте. Пить воду, есть хлеб, ходить от окна к дверям. Пока не спеша и не обязательно много. «Ну я даю» – подумал вихрастый Иона, уткнувшись лицом в холодную, пахнущую сырой ватой подушку.

Ж3: Он подумал о темноте, как об образе жизни, как о чём-то родном и любимом. Темноте, как месте существования, неком удобном тихом пространстве с незатейливыми, полными медленных движений событиями. С лунными бликами на потолке, чуть подрагивающим воздухом, громкими для темноты выстрелами звуков; его оживающими по ночам, иногда пугающими фантазиями; дивными снами, путающимися в простыне, привидениями бывших до него в этой камере людей, забавляющихся дёрганьем его за одежду. Он мёрз такими мыслями, ворочался в общем на всех вечерах. Но в лунной темноте он поворачивался, закладывал руки за голову и интуитивно, словно исподтишка, желал света. Тянулся к нему. Не думая, следил за слабыми электрическими оттисками на стене. Необдуманно подмечал, что оконное, заляпанное сизой дешёвенькой

краской стекло за решёткой – не преграда для света. И в нём самом, куда бы он ни отворачивался, пусть хоть в самые тёмные уголки камеры, уже скачут светлые лучики. В нём скачет и поёт электричество, а затем будет сиять солнце. И люди будут толкать и искать разговоров. «Вот так» – размышлял Иона, как Иона деятельный. «Вот так» – повторял он.

М1: Главный свет исходит из глаз. Свет, который во мне. И если глаза светлы и во мне нет ни одной тёмной части, то я буду сверкать, словно сияние осветило.

Ж1: На тумбочке лежало старое, потрёпанное письмо от Ани, Иона повертел его и положил обратно. К тому времени он уже, к сожалению, забыл все буквы.

М2: Ну что ж, Иона, мы прочитали твою работу. Ты дал герою своё имя?

М1: Да.

М4: А зачем?

М1: «Мне так было проще писать» – Иона сидел на жёстком стуле и не качался. Он чувствовал слабость стула.

М4: Уж не слишком ли ты к нему привязан?

М1: Да я бы не сказал.

М4: Лично мне не нравится. Скажи, ты писал о человеке?

М1: Да.

М4: К твоему сведению, люди не любят прыгать... Я лично так и не услышал ответа.

М1: Да. Я узнаю себя в зеркале.

М4: Мне бы ещё хотелось узнать, видишь ли ты своё будущее и узнаёшь ли ты в нём себя?

М1: Да, узнаю.

М4: Всё. У меня нет вопросов.

М3: Ты свободен, Иона, иди. Мы подумаем.

М4: Да.

М1: Заря будет через час. Будет всходить солнце и станет светлее. «Ну потерпи». Иона толкнул клювом створку чердачной вытяжки, чтобы в помещение проник свежий воздух. В тёмном, душном углу, там, где обычно вьют гнёзда, на пыльной мешковине корчился человек. Он хватался за живот, поджимал ноги, его тошнило. Он кричал... Иона крылом гладил воздух по воображаемой голове: «Поверь, я всё исправлю. Сейчас тебя найдут. Я ведь так сильно об этом думаю. Ты только немножко потерпи...»